

THE SENSE OF RESPONSIBILITY AND THE OBJECTIVITY OF THE LEGAL ORDER

© 2014

V.A. Rudkovskii, Doctor of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State
Volgograd State University, Volgograd (Russia)

Annotation: The concept of legal responsibility being an exclusively positive feature of the subjects of law is criticized in the article. The determination of legal responsibility by the objective attributes of law as an institutional regulator of public relations is revealed.

Keywords: law, legal responsibility, sense of responsibility, positive responsibility, negative responsibility, legal order.

УДК 34.0

ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВЕ КАК ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ

© 2014

С.Ю. Суменков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
«Теория государства и права и политология»
ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», Пенза (Россия)

Аннотация: В статье раскрывается смысл такого феномена как исключение в праве, которые рассматриваются как оценочные понятия во многом зависящие от усмотрения правоприменителя. Автор подчеркивает реальную необходимость исключений в праве, позволяющих обеспечивать оперативность и гибкость правового регулирования. Вместе с тем в статье освещается целый ряд моментов, способных привести к негативному эффекту в случае произвольного оценивания тех или иных факторов как исключений из правил.

Ключевые слова: исключения в праве, оценочное понятие, правоприменительное усмотрение, исключительный случай, нормативный термин.

Уникальность права состоит в том, что оно, объективно предполагая типизацию регламентируемой социальной среды, имеет возможность учитывать неоднородность, многогранность и разносторонность подпадающих под его упорядочивающее воздействие тех или иных ситуаций, процессов, а также субъектов, в них участвующих.

Догмой стало восприятие права в качестве общего, единого для всех регулятора, направленного на унификацию и стандартизацию соответствующих общественных отношений. Соглашаясь с данной точкой зрения, стоит тем не менее реально понимать за счет чего достигается универсальность права, чем можно объяснить всеобщность права, способность адекватно реагировать на неоднозначные и динамичные жизненные казусы.

На наш взгляд, среди ресурсов права, позволяющих адекватно отвечать многообразию окружающей действительности, магистральной является допустимость присутствия в праве такого феномена, как исключение.

Суть исключения в том, что оно санкционирует в некоторых ситуациях или (и) для отдельных лиц отличающиеся от правила вариации поведения. Исключение детерминирует дополнение в правило либо изъятие из него и появление легальной альтернативы последнему. Посредством исключения обеспечивается требуемая гибкость и дифференцированность правового регулирования. В совокупности правило и исключение представляют собой нормативный комплекс, позволяющий достигать максимальной полноты и эффективности выполнения правом своих функций.

Здесь можно только согласиться с С.С. Алексеевым, который пишет о цепочке «из общих правил и исключений, когда законодатель, искусно используя нормативные обобщения и различные порядки регулирования, достигает всестороннего учета многообразных жизненных обстоятельств» [1, с. 240-241].

Упоминание о правилах заслуживает самого пристального внимания, ибо неразрывная связь исключения и правила не только выступает отличительной характеристикой исключений, но и в определенной степени служит детерминантой и оправданием тезиса об их «несамостоятельности».

По нашему мнению, не может быть исключений без правил, равно как и трудно представить существование правила без исключений [2, с. 60-66].

Такая взаимозависимость не означает поглощения одного феномена другим и утраты тем самым собственной функциональной роли какого-либо элемента, составляющего правовую дихотомию.

При этом исключения в праве должны быть обязательным образом отражены в юридических нормах, издаваемых либо санкционируемых государством и охраняемых им от нарушений. Весьма категорично заявляет по данному вопросу С.С. Алексеев: «...исключения не могут предполагаться, они всегда должны быть точно указаны в нормативных актах» [1, с. 202].

Принципиально не затрагивая в настоящий момент особенностей норм, содержащих исключения [3, с. 17-21], хотелось бы отметить следующее.

Именно сосредоточение исключений в нормах права легитимирует исключения; позволяет считать их приемом юридической техники и юридическим средством, предлагающим отличный, иногда прямо противоположный правилу вариант регуляции.

Фиксация исключений в нормах права позволяет солидаризоваться с С.Т.В. Кашаниной, трактующей исключение как прием правотворческой техники [4, с. 192].

Подобное уточнение более чем верно, ибо позволяет не только определить место исключений в арсенале юридической техники, но и проследить генезис исключений и специфику их воздействия на правило.

Здесь, как думается, уместен такой алгоритм: а) исключение возникает за счет правотворчества – в процессе правотворчества создаются нормы, в которых при необходимости закрепляются исключения; б) посредством исключения субъект правотворчества санкционирует изъятие из правила либо дополнение в правило (иногда – совокупность изъятий и дополнений); в) результат применения приема исключения в правотворчестве – появление альтернативной правилу разновидности регулирования.

По нашему мнению, непременным условием нормативного оформления исключения служит обязательное указание на то, что допускаемая корреляция правила выступает именно исключением из него.

С.С. Алексеев по данному поводу вводит в оборот выражение «исчерпывающий перечень». В частности, ученый пишет: «Существенным элементом режима исключений... является категория «исчерпывающий перечень» («перечисленное с полной точностью», по ленинским словам). ...При этом социальный и юридический эффект исчерпывающего перечня проявляется в полной мере тогда, когда он действительно выражен в полном списке обстоятельств, категорий лиц и т.д., списке замкнутом, «с точкой». Иначе на практике могут возникнуть трудности, а значение перечня сведено на нет» [1, с. 203-204].

На наш взгляд, примером такого перечня может слу-

жить ч.3 ст. 12 ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [5], в которой в пунктах с первого по шестой детально перечислены исключительные личные обстоятельства, обуславливающие исключения из общих правил.

В то же время исследователь отчетливо понимает всю сложность создания полного списка исключений, где будет детально расписано, что следует считать исключением. Сама природа исключений как нестандартных нормативных предписаний, детерминация их разноплановостью и многообразием регулируемых общественных отношений объективно противостоят абсолютизации их перечисления. «Но здесь достоин внимания, – отмечает в связи с этим С.С. Алексеев, – вот какой момент: при известных обстоятельствах социальный и юридический эффект, характерный для исчерпывающего перечня, может быть достигнут и в случаях, когда он выражен не в полном, замкнутом списке, а в списке открытом, допускающем расширение перечисляемых обстоятельств, вопросов» [1, с. 205].

Таким образом, можно резюмировать следующее: 1) существует необходимость обязательного указания на то, что определенное нормативное предписание выступает в качестве исключения из единого для всех правила; 2) не всегда возможно директивно установить конкретный жизненный фактор, служащий основанием для констатации исключения.

Например, согласно ч. 2 ст. 17 ФЗ от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления или должностные лица, которым направлены обращения Общественной палаты, обязаны проинформировать Общественную палату о результатах рассмотрения соответствующего обращения в течение тридцати дней со дня его регистрации. В исключительных случаях руководитель органа государственной власти, руководитель органа местного самоуправления, должностное лицо либо уполномоченное на то лицо вправе продлить срок рассмотрения указанного обращения не более чем на тридцать дней, уведомив об этом Общественную палату» [6].

Как видно, в данной норме предусмотрена возможность усмотрения исключения из правила (в частности, исключения из правила о сроках рассмотрения запроса Общественной палаты). Для этого соответствующее должностное лицо того органа, в который направлен запрос, оценивая ситуацию как исключительную, принимает властное решение.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: можно ли воспринимать исключение как оценочное понятие, зависящее от усмотрения правоприменителя?

Оценочное понятие – категория, традиционно вызывающая интерес у представителей юридической науки.

На наш взгляд, исключения гармонично сочетаются с оценочными понятиями в силу того, что многие предписания, предусматривающие вероятность исключения, объективно не могут носить конкретизирующего характера и их реализация зависит от оценки компетентного субъекта.

Подобная позиция основывается на примерах из действующего законодательства. В частности, согласно УПК РФ, по уголовному делу, расследование которого представляет особую сложность, срок предварительного следствия свыше 12 месяцев может быть продлен только в исключительных случаях Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями» (ч. 5 ст. 162).

Конституционный Суд РФ, характеризуя конституционность названной нормы, однозначно указал, что употребляемый термин «исключительный случай»

(равно как и «особая сложность») является оценочным понятием, который наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этих законодательных терминов в правоприменительной практике [7].

Поэтому можно только согласиться с рассуждениями В.Л. Кулапова и Ю.В. Медной, которые, анализируя взаимосвязи оценочных понятий и правоприменительной деятельности, пишут: «Внедрение законодателем указанных понятий в систему права необходимо в связи с тем, что именно они позволяют учесть все конкретные обстоятельства рассматриваемого дела и выбрать применительно к этим обстоятельствам одно из перечисленных в законе или вытекающих из смысла закона решений» [8, с. 88-89].

Именно эта способность признать ту или иную ситуацию как атипичную и нуждающуюся, соответственно, в урегулировании не общим правилом, а исключительным предписанием, непосредственным образом детерминирует восприятие исключения как оценочного понятия.

Например, в ч. 6 ст. 89 Налогового кодекса РФ установлено, что выездная налоговая проверка не может продолжаться более двух месяцев. Указанный срок может быть продлен до четырех месяцев, а в исключительных случаях – до шести месяцев. Основания и порядок признания случая исключительным должны содержаться в соответствующем подзаконном акте.

Данный акт [9] в Приложении № 2 «Основания и порядок продления срока проведения выездной налоговой проверки» устанавливает шесть пунктов, указывающих на условия, при которых выездная проверка может быть продлена. При этом если пункты 1-5 устанавливают конкретные основания продления проверки, то пункт 6 предусматривает весьма неопределенную ситуацию: «иные обстоятельства».

В данном случае необходимость и сроки продления выездной (повторной выездной) налоговой проверки определяются исходя из длительности проверяемого периода, объемов проверяемых и анализируемых документов, количества налогов и сборов, по которым назначена проверка, количества осуществляемых проверяемым лицом видов деятельности, разветвленности организационно-хозяйственной структуры проверяемого лица, сложности технологических процессов и других обстоятельств.

Такая объемная формулировка объясняется невозможностью создания исчерпывающего перечня необычных жизненных случаев. Правильность изложения п. 6 ч. 3 Приложения № 2 (утв. Приказом ФНС России от 25 декабря 2006 г. № САЭ-3-06/892@) подтверждает и судебная практика: «Наличие исключительности ситуации подлежит оценке в каждом конкретном случае в ходе принятия соответствующих правоприменительных решений» [10].

Таким образом, уполномоченный субъект с учетом конкретики того или иного жизненного случая, оценивает последний в качестве нестандартного и принимает властное решение о реализации нормы-исключения.

Тем самым усмотрение, которое является стержневым элементом в конструкции «оценочное понятие», необходимо для констатации исключения из правила. При этом речи идет не просто об оценке: исключение либо нет, но и об обязательном принятии соответствующего решения. Например, ч. 5 ст. 165 УПК РФ фиксирует правомочие следователя в исключительных случаях проводить обыск без санкции суда.

Следователь Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области К. вынес постановление и произвел обыск без судебного решения в жилище гр. М в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по ч.1 ст.111 УК РФ [11]. Доводы следствия, оценившего данную ситуацию как исключение, заключались в том, что обыск проводился как неотложное следственное действие по уголовному делу о расследовании особо тяж-

кого преступления; необходимость его производства возникла в выходной день, в сельском населенном пункте, значительно удаленном от места нахождения суда; реальную возможность невозможной утраты предметов и вещей, имеющие значение для уголовного дела и возможность гр. М. скрыться от органов следствия. Федеральный суд согласился с оценкой следователя К. в восприятии данной ситуации как исключительного случая [12].

При этом надо особо отметить, такую отличительную черту исключения как наличие правового основания. Оценить в качестве исключения ту или иную ситуацию можно только при указании на такую возможность в норме права. Только реальное присутствие исключений в правовой норме может служить правомерным основанием их реализации.

Таким образом, характеристика исключения как оценочного понятия базируется на следующих моментах: имплементация исключения в норме права; 2) возможность оценки конкретного жизненного казуса в качестве исключения 3) принятие решения.

Именно юридическое оформление исключения в норме права позволяет воспринимать исключения не только как оценочное понятие, но и как феномен, никоим образом не нарушающий требования права.

При этом стоит учитывать, что в отношении исключений не стоит обязательно увязывать свободу усмотрения их реализации с олицетворением исключениями оценочных понятий.

Далеко не все исключения выступают в качестве оценочных понятий; равно как и не каждое исключение абсолютно зависит от правоприменительного усмотрения¹.

В большей степени оценочность характерна для исключений выраженных в нормативно-правовом термине «исключительный случай» [14, с. 58-67], отчасти в таком юридически значимом словосочетании как «исключительные обстоятельства» [15, с. 91-95]. Что же касается нормативных терминов «за исключением случаев (-ая)» [16, 71-83], «в порядке исключения» [17, с. 101-110], «в виде исключения» [18, с. 22-28] то они могут выступать как оценочные понятия либо прямо определять, что, собственно является исключением из общего правила. В еще большей степени последнее характерно для термина «за исключением» [19, с. 133-136].

В заключении хотелось бы сделать следующие выводы.

Во-первых, исключения в праве – это категория, имеющая место быть в реальном регулировании общественных отношений.

Исключения поразительным образом сочетают в себе абстракцию и конкретику. Именно этот синтез позволяет рассматривать исключение как оценочное понятие: с одной стороны, предельно широкое (ибо нельзя точно указать признаки исключительности случая), а с другой – реальный учет конкретных жизненных фактов, воспринимаемых как исключение.

Исключение в праве – это оценочное понятие, имеющее юридическое значение, поэтому потенциальна вероятность применения исключения, должно должна быть зафиксирована в норме права. Непосредственное значение в правоприменительном процессе исключения

приобретает в правоприменительном акте.

Не все исключения выступают в качестве оценочного понятия. Вместе с тем, бесспорным оценочным понятием являются те исключения, которые выражены в таком термине как «исключительный случай».

Исключения в праве (как оценочные понятия, так и нет) должны подвергаться научному изучению и теоретическому осмыслению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с.
2. Суменков С. Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности // Философия права. 2010. № 6. С. 60-64.
3. Суменков С. Ю. Норма права как выражение юридических исключений // Российский юридический журнал. 2009. № 2. С. 17-21.
4. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М. : Эксмо, 2007. 512 с.
5. СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.
6. СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.
7. РФ. Конституционный суд. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Катаранова Эдуарда Ринатовича и Трухина Петра Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью пятой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение от 16.07.2009 № 985-О-О // СПС «Гарант» (текст Определения официально опубликован не был).
8. Кулапов В. Л., Медная Ю. В. Поднормативное правовое регулирование. Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2009. 200 с.
9. РФ. Федеральная налоговая служба. Об утверждении форм документов, применяемых при проведении и оформлении налоговых проверок; оснований и порядка продления срока проведения выездной налоговой проверки; порядка взаимодействия налоговых органов по выполнению поручений об истребовании документов; требований к составлению акта налоговой проверки : приказ от 25.12.2006 № САЭ-3-06/892 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 13. С. 150.
10. РФ. Высший Арбитражный суд. Решение от 21.07.2010 № ВАС-7688/10 // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).
11. Постановление от 10 февраля 2013 года // Архив Городищенского МСО СУ СК РФ по Пензенской области. Уголовное дело № 12110180.
12. Постановление Городищенского районного суда Пензенской области от 11 февраля 2013 года (б/н) // Архив Городищенского районного суда Пензенской области.
13. СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.
14. Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58-67.
15. Суменков С. Ю. Исключительные обстоятельства и уважительные причины как факторы проявления исключений из правил // Государство и право. 2011. № 7. С. 91-95.
16. Суменков С. Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 1. С. 71-82.
17. Суменков С.Ю. Дефиниция «в порядке исключения»: особенности нормативного использования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 1. С. 101-110.
18. Суменков С. Ю. Нормативно-правовой термин «в виде исключения»: юридическая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3. С. 22-28.
19. Суменков С. Ю. Оговорка «за исключением»: специфика смысловой нагрузки // Проблемы права. 2011. № 1. С. 133-136.

¹ Показательным в этом смысле является п. 1 ст. 6 ФЗ от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [13], согласно которому: «Акты законодательства Российской Федерации о таможенном деле, а также указы Президента Российской Федерации, по становления и распоряжения Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, принятые в соответствии с настоящим Федеральным законом (далее – иные правовые акты Российской Федерации в области таможенного дела), применяются к отношениям, возникшим после дня вступления их в силу, и не имеют обратной силы, за исключением случаев, прямо установленных частью 2 настоящей статьи» (выделено нами. – С.С.). Очевидно, что указанное исключение никак не обозначает оценочного понятия, а также не предоставляет дальнейшей возможности какого-либо правоприменительного усмотрения.

EXCEPTIONS WITHIN LAW AS EVALUATIVE CONCEPTS

© 2014

S. Yu. Sumenkov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of «Theory of State and Law, Political Science»
FGBOU VPO «Penza State University», Penza (Russia)

Annotation: In the article, the author clarifies the sense of such a phenomenon as exceptions within law considered as evaluative concepts depending on the discretion of the law enforcement official in many ways. The author emphasizes the real necessity of exceptions within law that let assure the efficiency and flexibility of legal regulation. At the same time, the article elucidates many moments that can lead to negative effect in case of arbitrary evaluation of some or other factors like exceptions within law.

Keywords: exceptions within law, evaluative concept, law enforcement discretion, exceptional case, regulatory term.

УДК 340.11

ФИНАНСОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2014

P.P. Хаснутдинов, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин
Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Аннотация: В статье на основе анализа содержания и выполняемых функций финансовой ответственности автор обосновывает ее включение в состав системы юридической ответственности в качестве структурного элемента.

Ключевые слова: структура, система, функциональный, элемент, фокусированный, полезный, результат, юридический, финансовая, ответственность.

При раскрытии системного подхода к юридической ответственности в форме теоретической концепции под названием функциональной системы [16, с. 51-55, 89-90], важное значение имеют структурные исследования, в рамках которых мы выделяем структурные элементы – виды юридической ответственности. Здесь необходимо определить критерий, который дифференцирует юридическую ответственность на виды (структурные элементы), показать самостоятельность каждого выделенного вида юридической ответственности (структурного элемента), а также рассмотреть их на предмет соответствия специфическим особенностям структуры функциональной системы, в целом, и системы юридической ответственности, в частности.

Выделять структурные элементы (компоненты) системы юридической ответственности можно по разным критериям, например, функциональному и целевому критериям, субъективному и объективному критериям, отраслевому критерию и др. Но более приоритетным в юридической науке считается отраслевой критерий. Так, например, профессор Д.А. Липинский отмечает, что «в рамках такой классификации на основе отраслевого критерия, происходит наиболее крупное, первоначальное деление юридической ответственности. Отраслевой критерий позволяет выявить общие закономерности развития того или иного вида юридической ответственности, определить его юридическую природу, уяснить количество видов юридической ответственности в соответствии с отраслями отечественного права» [9, с. 227, 228]. По мнению профессора С.А. Авакьяна «... каждая отрасль права должна обеспечивать реализацию своих норм собственными средствами, включая меры ответственности. Наличие мер ответственности – это такой же признак отрасли, как «собственные» общественные отношения, «свои» нормы, данные отношения регулирующие» [1, с. 124].

Мы также отдаем предпочтение отраслевому критерию, и в качестве структурных элементов (компонентов) системы юридической ответственности выделяем следующие виды юридической ответственности: конституционную, уголовную, административную, гражданско-правовую, трудовую, финансовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и гражданско-процессуальную ответственность [17, с. 650-652].

Поскольку в рамках данной работы научно обосновать все выделенные структурные элементы (компоненты) системы юридической ответственности не представ-

ляется возможным, мы рассмотрим финансовую ответственность.

Научное обоснование финансовой ответственности как структурного элемента (компонента) системы юридической ответственности предполагает показать не только состоятельность отраслевого критерия, а еще и соответствие данного вида ответственности специфическим особенностям структуры функциональной системы, в целом, и системы юридической ответственности, в частности.

Анализ юридической литературы последних лет показывает, что финансовая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности. Правда, в этой части мы сталкиваемся с противоречивой ситуацией, когда одни исследователи пытаются обосновать самостоятельность данного вида юридической ответственности [4, с. 45; 6, с. 181; 12, с. 40; 15, с. 294; 17, с. 747-768; 18], а другие – напротив, опровергают эту позицию, считая финансовую ответственность разновидностью административной ответственности [5, с. 34; 7, с. 190; 8, с. 7]. Однако это противоречие разрешается, если мы обращаемся к исследованиям Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского. Признавая, что финансовая ответственность изначально «зародилась в рамках административной, а ее выделение и обособление стало закономерным итогом развития общественных отношений и законодательства», они выступают «против самостоятельности так называемых «валютной», «бюджетной», «банковской» и «налоговой» ответственности. Ответственность в сфере бюджетных, валютных, налоговых, банковских отношений, - утверждаю они, - не самостоятельные виды юридической ответственности, а разновидности финансовой» [17, с. 748]. А.А. Мусаткина также придерживается позиции о том, что «финансовая ответственность» включает в себя такие разновидности как налоговая, бюджетная, банковская и валютная [10, с. 19].

О финансовой ответственности говорят и другие ученые. Так, например, в обоснование самостоятельности финансовой ответственности Н.А. Саггарова пишет, что специфика финансово-правовой ответственности проявляется наиболее ярко в особенностях финансового правонарушения и финансово-правовых санкций. Выделение финансово-правовой ответственности как самостоятельного вида ответственности обусловлено особенностью правовой природы соответствующего правонарушения, отличной от природы административ-